

Л. Н. Сумарокова

ТЕРМИН «КОНЦЕПТ» В СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Как известно, термин «концепт» является одним из ключевых в теории систем и в методологии системных исследований. Вместе с тем, он получил широкое распространение во всей гуманитарной сфере и, в частности, в современной культурологии. Наряду с выражением «концепт системы» не менее часто употребляют выражение «концепт культуры» [1], [2].

Возникает полифония смыслов этого термина, что практически неизбежно при столь значительном увеличении предметной области и что вызывает потребность в анализе и структурировании смыслового поля этого термина. На первый взгляд, эта задача трудно выполнима. В самом деле, даже внутри теории систем нет единой дефиниции концепта. Здесь сосуществуют по меньшей мере две интерпретации. Первая опирается на несколько размытую ассоциацию с выбором системы отсчета, с фиксацией иерархии задач, целей, ценностей, с наличием свободного выбора субъектом разных вариантов «видения» объекта как системы, когда под заранее фиксированный концепт «подбираются» соответствующие ему структура и субстрат будущей системы. Вторая интерпретация предполагает обязательное принятие двух двойственных по отношению друг к другу формул, отражающих два логически возможных варианта построения системной модели объекта. Эти формулы строятся с помощью специального логического языка (ЯТО). Концепт здесь – лишь «системный дескриптор», элемент соответствующей формулы.

Одни «системщики» обходятся первой интерпретацией, для которой присутствие формул приветствуется, но практически не является обязательным, и для которой концепт является своего рода манифестацией субъекта, проявлением его компетенции, свободы выбора и творческого потенциала. Другие «системщики» принимают вторую интерпретацию и обсуждают проблему построения формализованной общей теории систем с фиксированными правильно построенными формулами, аксиомами, правилами вывода, теоремами и т.п. Здесь концепт изучается в рамках ЯТО и является результатом предикации достаточно высокого (по меньшей мере, третьего) уровня, когда определенное свойство приписывается некоторому отношению или определенное отношение устанавливается в некоторых свойствах. Часто «системщики», придерживающиеся разных интерпретаций, плохо понимают друг друга, поскольку говорят «на разных языках».

Число интерпретаций термина «концепт» в семиотике культуры еще больше (концепт-понятие, концепт-символ, концепт-образ, концепт-идея, концепт-чувство, концепт-настроение и т.д.).

Целью данного сообщения является уточнение реального соотношения между столь различными интерпретациями термина «концепт».

Главная мысль, которую хотелось бы здесь обосновать, состоит в том, что в действительности существует единая, методологически важная цепочка формирования концептов, одни звенья которой, – «смысложизненные» концепты – отражены в культурологических и философских исследованиях, а другие – «инструментально-технологические» концепты – представлены в теории систем как «мягкой логике» научного мышления.

Вырвать из этой цепочки одни звенья как «главные», «более важные» и игнорировать остальные – это значит нести потери в значимости и эффективности мышления в целом.

Обоснование такой трактовки единства теоретико-системного и культурологического понимания концептов, как представляется, может производиться на общепhilosophическом и логико-семиотическом уровнях.

Философское обоснование связано с признанием того неоспоримого факта, что современная методология все больше осознает «человекоразмерность», антропологичность любого знания о мире. Философская антропология, как отмечает Поль Рикер, «стала неотложной задачей современного мышления, ... а в ее эпицентре находится проблема антиномичности структуры человека, пролегающей между полюсами бесконечности и конечности» [3, с. 13]. П. Рикер обращает внимание на ту «срединность» человека, которая осознается в категориях конечного и бесконечного, добра и зла, разума и чувства, единого и многого, общего и индивидуального и т.п.

Ж. Делез и Ф. Гваттари, развивая динамическую, процессуальную интерпретацию социума, характеризуют современную философскую стратегию как «мышление посреди», протекающее в «промежуточном пространстве», подвижном и ускользающем. И это не только метафора, но и отражение реальной метаморфозы [4, с. 44-45].

В.С. Степин считает одним из главных признаков современного этапа развития рациональности четкое осознание ее включенности в культуру, осмысление роли «ценностно-целевых структур и их социальной обусловленности» [5, с. 27]. Л. Абрамян, говоря о роли этих «ценностно-смысловых» структур, и, в частности, представлений о добре и зле, предостерегает от «нацеленности» только на уничтожение одной из крайностей, на ее неприятие, отвержение. Нужна не столько борьба со злом, считает автор, сколько усилия, направленные на сохранение и укрепление добра, как бы это ни казалось утопичным. «Добродетель действительно не приносит дивидендов. Но должны ли мы думать, будто человек – всего лишь собственный коммерческий директор?» [6, с. 55]. Добро не может побеждать любой ценой и любыми средствами, как не может оно побеждать и «автоматически». К нашему рассуждению о единой смысловой цепочке, в которую встроены концепты разных уровней, это имеет прямое отношение: «чистая», объективистски понятая теоретичность и хорошо просчитанная исходящая из нее «технологичность» столь же неэффективны, сколь и «чистая» аксиологичность, провозглашающая высокую духовность, творческое начало человека, но туманно представляющая себе пути ее утверждения, игнорирующая логику мышления, организующую движение к высоким целям. Главное предназначение концептов – быть медиумами, помогающими человеку, занимающему неустойчивое «срединное», «пограничное» положение в бытии и в познании, сохранять хрупкое, подвижное равновесие, без которого невозможно само существование человека. Первое условие поддержания этого равновесия – укрепление *всей цепочки*, о которой шла речь выше, а не только ее отдельных звеньев, какими бы важными они ни были. А второе условие – *подвижность* концептов, которые должны быть адекватны сменяющимся ситуациям, системам отсчета.

Логико-семиотическое обоснование выдвинутого тезиса опирается на признание многоуровневости смыслов любого слова, в том числе научного термина. Концепт, с семиотической точки зрения, является определенной ступенью на «лестнице значений», возникшей в результате эволюции связки «язык – мысль». Наглядный образ лестницы помогает представить, как каждой ступеньке ставится в соответствие особый тип значения, знаменующий определенный этап формирования мысли – от нижних, менее сложных, к верхним – более сложно устроенным. К примеру, первую, нижнюю ступень значения термина можно обозначить как «имя», затем идут более сложные варианты, в том числе «предикатор», «языковое (повседневное) понятие», «понятие», «категория», «концепт», «идея» и, может быть, «фрейм» [7, с. 277-278], [8, с. 37-44].

Каждый научный термин может пройти все перечисленные ступени формирования, но в каждый момент времени может функционировать лишь на какой-то одной из них. Важно отметить, что функции предшествующих ступеней имплицитно сохраняются на каждой последующей ступени и могут быть реализованы, проявлены в тех или иных ситуациях.

Концепт в самом широком понимании можно охарактеризовать как такой «квант» смысла, который, имея все признаки понятия и категории, кроме этого, обладает рядом

дополнительных признаков а) отражающих способ его вхождения в ценностный универсум культуры и б) помогающих организовать любую человеческую активность, в том числе познавательную, в соответствии с принятой моделью бытия. Указанная организационная, по сути, праксеологическая функция концептов в литературе называется по-разному: нормативностью, конструктивностью и т.п. С.С. Неретина связывает ее с коммуникативным эффектом концептов, которые, кроме понятийного (объективного) значения, несут в себе способность обеспечить единство, взаимопонимание коммуникантов в «схватывании» ситуации как целого: достижение согласия в знании, в понимании, продуцирование единого для коммуникантов чувства – эмоции, настроения и т.п. [9, с. 589, 627].

Подводя итог, отметим, что концепт как «системный дескриптор» предполагает в качестве необходимой предпосылки сведения о том, что уже построена системная модель объекта, которая, в свою очередь, имплицитно учитывала результаты предшествующего процесса выбора наиболее значимых для субъекта аспектов объекта; еще более глубинную часть семантики системного концепта образует соотношенность с функционирующими в бытии социума «ценностно-целевыми структурами».

Концепты культуры задают рамочные условия и необходимые предпосылки для методологии научных, в том числе теоретико-системных исследований, а теоретико-системные концепты входят в логико-технологический инструментарий методологии исследования культуры.

Литература:

1. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. / А.И. Уемов. – М.: «Мысль», 1978. – 272 с.
2. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. / Юрий Степанов. – М.: ЯСК, 2007. – 248 с.
3. Рикер П. Философская антропология. Рукописи и выступления. / Поль Рикер. – Пер. с фр. М.: Изд. гуманит. лит., 2017. – 312 с.
4. Я.И. Свирский. Философские стратегии Ж. Делеза и Ф. Гваттари в контексте парадигмы сложности. // Философия мышления. Сб. статей. – Одесса: Печатный дом, 2013. – 444 с.
5. Степин В. Типология научной рациональности и синергетика. // Філософія освіти. Науковий часопис. – 2017, №1 (20). С. 6-29.
6. Абрамян Л.-А. Письма о моралистах прошлого. / Левон-Арутюн Абрамян. – Ер.: Арег, 2001. – 120 с.
7. Соломоник А. Философия знаковых систем и язык. / Абрам Соломоник. – М.: ЛКИ, 2011. – 408 с.
8. Сумарокова Л.Н. Юридическая логика: коммуникативная концепция. / Л.Н. Сумарокова. – Одесса: Феникс, 2015. – 204 с.
9. Неретина С.С. Этьен Жильсон: новый взгляд на старое наследие. Примечания. // Жильсон Э. Философия в средние века. 2-е изд. – М.: Республика, 2010. С. 578-658.